

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9

EDN: HDUFBU

ПСИХОЛОГИЯ ГРАЖДАНИНА КАК СУБЪЕКТА ПРАВ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Алексей Владимирович Забарин

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия, zabarinavl@rosgvard.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4785-456X>

Аннотация. В статье анализируется содержание гражданственности в современных условиях, выявляются специфика, факторы и противоречия формирования роли гражданина России. Гражданственность рассматривается как продукт восприятия, оценки и реализации гражданином установленных государством норм. Обозначены такие проблемы становления гражданина, как субъекта прав и ответственности, как отказ гражданина от собственной субъектности, непонимание и дезориентация в правовых нормах, отсутствие образцов нормативного поведения, несформированность у гражданина мотивации следовать идеалам гражданского поведения, неопределённость эталона гражданской роли.

Ключевые слова: психология гражданина, гражданственность, восприятие норм, формирование гражданственности

Для цитирования: Забарин А.В. Психология гражданина как субъекта прав и ответственности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 1 (22). С. 41–48. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2023/03/006.pdf>. EDN: HDUFBU.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

PSYCHOLOGY OF THE CITIZEN AS THE SUBJECT OF RIGHTS AND RESPONSIBILITY

Alexey V. Zabarin

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia, zabarinavl@rosgvard.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4785-456X>

Abstract. The article analyzes the content of citizenship in modern conditions, reveals the specifics, factors and contradictions of the formation of the role of a citizen of Russia. Citizenship is considered as a product of perception, evaluation and implementation by a citizen of the norms established by the state. Such problems of becoming a citizen as the subject of rights and responsibility as the refusal of a citizen from his own subjectivity, misunderstanding and disorientation in legal norms, lack of samples of normative behavior, lack of motivation for a citizen to follow the ideals of civic behavior, uncertainty of the standard of civic role are identified.

Keywords: psychology of a citizen, citizenship, perception of norms, formation of citizenship

For citation: Zabarin A.V. Psychology of the citizen as the subject of rights and responsibility. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2023;1(22): 41–48. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2023/03/006.pdf>. EDN: HDUFBU.

© Забарин А.В., 2023

Введение

Одним из важнейших направлений военно-политической работы является воспитание гражданственности в новых поколениях военнослужащих. Вместе с тем решение

данной задачи связано с целым рядом методологических и институциональных противоречий, которые хотелось бы обсудить в данной статье.

Основные положения

Еще 10–15 лет назад мейнстримом глобальных трендов будущего провозглашалась глобализация во всех ее формах и проявлениях [11]. Апологеты глобализации писали о формирании и «унифицированной глобальной культуры сознания, практически лишенной локального – этнического, национального, регионального – своеобразия» [6]. Предсказывали, что граждан национальных государств постепенно заменит новая надидентичность гражданина мира. Предполагалось, что уйдут в прошлое национальные границы и будет сформирован единый рынок. Все, что мешает объединению и составляет основу самобытности народов, будет принесено в жертву унификации. Привязанность к какой-то стране, этносу в этих условиях провозглашалась атавизмом. Нормой должна была стать социальная мобильность как готовность и желание к переезду туда, где платят больше и условия лучше. Прогноз растворения национальной идентичности гражданина в плавильных котлах глобализации не только не сбился, но в странах Европы, США мы наблюдали диаметрально противоположные процессы.

Можно заметить, что содержание гражданственности в представлениях исследователей превратилось в своеобразное поле идеологической борьбы между сторонниками либеральных и консервативных идеалов. Так, Е. А. Лопатин, В. Э. Смирнов, И. А. Суменков, А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина и др. отстаивают вслед за классиками российской педагогики (К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, П. Ф. Каптерев, В. А. Сухомлинский) необходимость формирования гражданина как патриота [5, 10, 12, 13, 14]. По мнению Р. И. Кузьминой и Л. Р. Аблаевой, необходимо отказаться от одностороннего понимания гражданственности как подчинения личных интересов общественным, трактовки «щели гражданского воспитания личности в интересах общества и государства и отождествления гражданского воспитания с патриотическим» [4, с. 17].

Противоречивы и представления о гражданственности испытуемых [2, 8]. С. Г. Максимов, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина, по результатам исследований (2019 г.), констатируют, что восприятие гражданственности «в значительной степени носит инерционный, традиционалистский характер, подчёркивающий значимую роль гражданского долга, национального патриотизма и ориентацию на политические (государственные) авторитеты» [7, с. 70]. Вместе с тем от 20 до 26 % опрошенных граждан считают, что «для

человека гораздо важнее ощущать себя личностью, а не гражданином страны, и что национальная символика – это лишь формальные атрибуты государства, а само гражданство – формальный статус, не вызывающий особых эмоций» [7, с. 76]. То есть наблюдается изменение субъективной значимости гражданской роли, которое отчетливо проявляется у российской молодежи и в отношении к специальной военной операции (далее – СВО). И с этой ценностной деформацией вчерашних гражданских школьников приходится работать офицерам-воспитателям и преподавательскому составу высших военных заведений.

Вопрос о содержании гражданственности ставят и попытки активного вовлечения старшеклассников в протестную волну в январе 2021 года, лидеры которой заявляли о проявлении активной гражданской позиции молодежи.

Плюрализм в критериях оценки приводит к тому, что «сформированность» или «отсутствие» гражданственности, гражданская активность или пассивность, «прогрессивное развитие» или «упадок» гражданского общества – оказываются не более, чем соответствием идеалам лица, производящего оценку. Такая ситуация хороша для политиков и рейтинговых агентств, но не приемлема для исследователей. Если мы хотим действительно объективировать гражданственность, надо создавать общую taxonomiy оценки.

Некритичное принятие западного нарратива прав и свобод создает основу для внешнего идеологического управления государством и обществом потенциального противника. Формируется система международного распределения ролей с законодателями мод и стандартов в реализации гражданских прав, адептами, уклонистами и «мальчиками для битья», нарушающими стандарты. При этом никакого объективного нормирования в обеспечении гражданских прав не существует, а соответственно и сравнительная оценка их реализации носит софистический характер. Почетна ли роль «мальчика для битья» в рамках созданного нами нарратива? Эти соображения позволяют поставить вопрос о цене, которую платит российский гражданин, общество, государство по факту включения в западную мифологию прав человека и гражданина [3].

Актуальным в этих условиях представляется обращение к содержанию гражданской роли и гражданственности, факторам и проблемам их формирования.

В историческом плане основания гражданства строились на двух китах. Первый

кит – принцип почвы, обозначал гражданина как жителя соответствующей территории. Второй кит – принцип крови, выражал преемственность поколений. Отсюда берут начало и такие две первично ассоциируемые с гражданином роли, как роль человека, любящего Отечество, то есть готового его обустроить и защищать. И роль продолжателя рода своих предков, воспроизводящего их язык, традиции, культуру. На изучении этих двух ролей и построено подавляющее большинство исследований гражданской ответственности. Доминирующий акцент при этом отводится роли жителя, проявляющего заботу, обустроивающего свое Отечество, занимающего активную социальную позицию и принимающего активное участие в общественных делах [13].

Западная традиция политической науки, продвигающая идеологию правового государства, скупо определила гражданина как лицо, имеющее гражданство. Для гражданства необходим факт установления связи между жителем данной территории, потомком граждан и государством. К сущности данной связи, устанавливающей корреспондирующие для гражданина и государства права и обязанности, и предлагалось свести роль гражданина. В постперестроечной России ценность ролей гражданина как защитника и участника в общественных делах стала затухать. Как следствие, возникло противоречие: гражданин без идентификации себя со страной и этносами, проживающими на территории данной страны. Можно вспомнить, что на определенном историческом этапе новоиспеченные из мигрантов российские граждане ни то, что историей и культурой, – даже русским языком не владели. Парадоксально, но и сегодня у гражданина России нет конституционной обязанности знать русский язык, национальную культуру и историю. Обратим внимание и на интереснейший факт, что с началом СВО купившие западное гражданство соотечественники вдруг узнали, что они неполноценные граждане, потому как не являются носителями правильных европейских ценностей. Формальная декларация вступила в явное противоречие с реальной практикой.

Роль гражданина правового государства [1] как субъекта гражданских прав и ответственности активно используется как идеология, но слабо разработана в исследовательском плане.

Если пытаться искать момент рождения гражданской ответственности в социогенезе, то, по видимому, надо говорить о гражданине как о социальной роли. Из чего эта роль складывалась, и как она менялась. С точкой отсче-

та все неопределенно. Можно предполагать, что роль гражданина появилась с возникновением государства. Можно усомниться. Княгиня Ольга к древлянам за данью ездила. Считать ли древлян гражданами? На каком-то этапе социальная роль римлян стала отличаться от роли не римлян по содержанию своих прав и обязанностей. Кроется ли в этих различиях сущность роли гражданина? Достаточно ли фактов уплаты налогов, исполнения воли князя, царя, получения земельного надела для утверждения в роли гражданина. Очевидно, что должна формироваться гражданская субъектность, раскрывающая права гражданина.

Исторически наряду со свободными людьми, получившими статус граждан, например в Древнем Риме, жили рабы, люди несвободные, не имевшие соответствующих гражданских прав и обязанностей. Рабство значительно менее распространено в современном мире. Но на смену юридической несвободе пришла свобода, связанная с реальной экономической невозможностью гражданина реализовать свои гражданские права. То есть существует декларативная гражданская субъектность, подтверждающая правовой характер государства, но фактически обнуляющая содержание роли гражданина. Плодом нового времени и парадоксальным апогеем исторической борьбы граждан за свои права стал добровольный отказ граждан от своей субъектности. Представляется, что данный результат является закономерным следствием, с одной стороны, сформировавшихся опытным путем убеждений в собственной неспособности реально влиять на социально-политические процессы, выученной беспомощности граждан. С другой стороны, формируемый идеал эгоцентризма в принципе не имел ничего общего с инициативным участием в каких-либо делах, не имеющих непосредственного отношения к собственной выгоде. Культивируемая мотивация избегания какой-либо ответственности, субъективно воспринимаемая частью молодежи как истинная свобода, закономерно завершилась и отказом гражданина от собственной субъектности. В своих следствиях для роли гражданина прежняя несвобода и нынешняя свобода оказались схожи.

Если для юриста гражданство начинается с установления и заканчивается разрывом формальной правовой связи с государством, то психологу интересно знать, какие на основе этой правовой связи выстраиваются отношения неформальные.

Человек рефлексивно нормативы по мере знакомства с ними, оценивает и пе-

реживает писанные и неписанные нормы отношений с государством и другими гражданами. Так формируется психологическая связь или гражданственность. Наличие свидетельства о рождении у младенца и второго, третьего паспорта иностранного государства у взрослого не означает сформированность гражданственности.

Руководствуясь фундаментальным методологическим принципом развития, введенным в отечественную психологию еще И. М. Сеченовым, если мы хотим понять что-то сложное, нам необходимо проследить историю его возникновения и развития, начиная с простейших форм. Первичным институтом для усвоения и рефлексии ребенком норм, формирования его гражданского сознания является семья. Родители организуют отношения детей в семье и оказываются таким образом первыми законодателями, правоприменителями и судьями, с которыми ребенок сталкивается в жизни. Как делить игрушку с братом или сестрой, кто прав, кто виноват в драке, кто первым будет играть – эти вопросы эмоционально и ежедневно требуют своего решения. Закон джунглей, согласно которому побеждает сильнейший, начинает по мере взросления ребенка сосуществовать для него наряду с социальными нормативами (а в идеале заменяться ими): позаботиться о младшем, уступить место пожилому человеку, женщине и т. д.

Вводимые первично родителями, а затем и другими агентами социализации нормы призваны определить, какое распределение ресурсов и при каких условиях будет являться справедливым: «это твои игрушки, а это его. Кто берет без разрешения чужое, поступает несправедливо» и др. Родители не только определяют эти правила для ребенка, они же следят за их выполнением и определяют в случае необходимости был ли нарушен требуемый правилом поведенческий образец, по чьей-либо вине или неосторожности.

Узнав требуемые правила и познакомившись с отрицательным эмоциональным подкреплением в виде наказания за их нарушение, ребенок начинает оценивать через их призму не только собственное поведение, но и поведение окружающих его людей, в том числе и родителей. Появляется у ребенка и важное различие между справедливым и несправедливым применением самих правил. Организация отношений родителями может оцениваться ребенком как несправедливая применительно и к факту наказания за нарушение правил, и к процедуре по многим критериям:

- наказание невиновного ребенка и награждение непричастного, возникшее вследствие неспособности родителей установить истинного виновника и принятия чьей-либо версии событий за факт;

- правило, за неисполнение которого наказывается ребенок, не было объявлено заранее, а родители апеллируют к многозначительному: «сам должен был догадаться. Незнание правил не освобождает от ответственности»;

- ребенку не понятно содержание самого правила или оно сформулировано таким образом, что за общими словами ребенок не может увидеть реальных образцов поведения, которые соответствуют этому правилу или нарушают его («наказание за нарушение или подрыв основ семейного порядка»);

- ребенок не распознает в реальных различных ситуациях обстоятельства, в которых он должен совершать или воздерживаться от требуемого правилом поведения («наказание за бездействие в чрезвычайных ситуациях»);

- ребенку не понятно значение этого правила для обеспечения, как его собственных потребностей, так и потребностей близких и далеких ему людей («наказание за несвоевременную публикацию сведений об успеваемости в семейном реестре»);

- ребенок не способен по своим физическим и психическим качествам выполнить требуемое от него правило поведения в конкретных обстоятельствах («наказание за проявленный страх»);

- правила для всех различны («за старшим братом признается право не выполнять данное правило»);

- наказания за один и тот же поступок для всех различны («старший брат не подлежит наказанию вследствие наличия особого иммунитета»);

- применение наказания за нарушение правила не отличается устойчивостью во времени («вчера и позавчера за это не наказывали, а сегодня вдруг опять решили наказать»);

- правила расходятся с образцами поведения, которые демонстрируют сами родители («наказывают, что игрушки разбросал, а у самих всегда все валяется»);

- правила расходятся с образцами поведения, которые были усвоены ранее, а также с образцами поведения, которым обучают или которые демонстрируют бабушки, дедушки, школа, ровесники, СМИ;

- мера наказания не соразмерна тяжести проступка (за несущественное нарушение наказание более тяжелое, чем за

существенное).

Подобные проявления способны серьезно подорвать доверие ребенка к нормативной системе как регулятору поведения и дисфункционально сказаться на будущей гражданской роли. Из рефлексии, оценок норм и правил совместной жизнедеятельности детей и родителей складывается качество формируемой в семье гражданственности. Проверку на справедливость устанавливаемых норм выдерживают далеко не все семьи. Убежденность ребенка в несправедливости процедуры, результата применения правила или самого этого правила, может привести не только к дискредитации последнего, но и тех, кто устанавливал его, организовывал исполнение и контроль и выносил наказание за несоблюдение.

Если рассматривать гражданственность как продукт восприятия, оценки и реализации установленных государством норм, можно предположить в качестве гипотезы, что точкой рождения гражданственности в онтогенезе является осознание различия между собственным хочу и нужно – по справедливости, по закону. Выбор в пользу «по справедливости», «по закону», отстаивание этого выбора в социальных отношениях – это и есть момент рождения гражданственности. То есть экспериментальной проверкой для оценки сформированности гражданственности у ребенка является его поведение в момент нарушения кем-либо из его окружения социальной и юридической нормы. Отстаивает ли он справедливость, стало ли содержание норм его совестью.

Отметим, что процесс это далеко не универсальный и не всеобщий. Фактически небольшая часть взрослых людей удерживается от совершения правонарушений лишь страхом наказания. Проверки нормативной системы «на прочность», на справедливость не заканчиваются в детстве, а продолжают всю жизнь гражданина по мере его знакомства с различными аспектами законодательной, правоприменительной и судебной практики, формируя тем самым доверие или агрессию по отношению к государству.

Безусловно, важнейшим фактором формирования гражданственности является усвоение правовых норм. Однако почему-то ориентация в законах и понимание гражданином смысла правовых норм не выделяется в качестве проблемы. Знакомство с Конституцией Российской Федерации априори предполагает формирование гражданского правосознания. А потом появляются эксцессы в виде участников несанкционированных протестов, ссылающихся то на конституционную свободу проведения со-

браний, то на то, что они и есть тот самый «народ, который осуществляет свою власть непосредственно», то на международные нормы, которые выше «незаконных» запретов государства.

Представляется, что истоки этой проблемы лежат не только в намеренном нарушении юридических норм, но и в непонимании и дезориентации. Когда мы говорим об идеальном христианине, мусульманине, буддисте, у нас есть понятный идеал образцового поведения: десять заповедей. Понятно, что соблюдать. Есть понимание смертных грехов и правильного пути. А каков же правильный путь идеального гражданина? Соблюдать конституцию и более 5500 федеральных законов, о большинстве из которых он даже не слышал? Запрет переходить дорогу на красный свет всем понятен. А что означает, например, запрет на нарушение конституционного порядка? Метнул аспирант МГУ А. Мифтахов дымовую шашку в офис партии Единая Россия и приговорили его к 6 годам. И вот русская служба Би-би-си распространяет цитаты из последнего слова Мифтахова на суде: «Я могу предположить, что хоть и нашлись люди, которые осудили эту акцию, тем не менее множество людей вполне могло и счесть это дело полезным. Потому что все мы знаем, что партия "Единая Россия" широко нелюбима нашим народом» [15]. Воспринимает ли журналист и главный редактор данного издания эти слова как публичное оправдание и призыв к нарушению конституционного порядка? А как воспринимает это читатель или слушатель данных материалов? Видит ли аспирант МГУ разницу между активным гражданским поведением, проявлениями хулиганства, экстремизма, терроризма? А наш курсант? И законы читал, но как они соотносятся с конкретными случаями из жизни, увы, не всегда понял. А ведь многие из современной молодежи и законов не читали.

С чего начинается знакомство ребенка с религией? С ярких образов и ритуалов, наполненных положительными эмоциями. С красочных описаний героических подвигов. На примере этой героики формировалась совесть новообращенного. Освоив эту систему ценностей, он уже по своему мировосприятию становился христианином, магом, танином, буддистом... Все это формировало правильную направленность поведения. Социальный контроль в форме общественного мнения был. Была также практика регулярной исповеди, трансформирующая внешний контроль во внутренний. А какую систему ценностей осваивает наш гражданин? Общественное мнение как форма

внешнего контроля практически бездействует. А чем представлена у нас галерея референтов для малышей, подростков, молодежи? Вот организация АУЕ подбрасывает молодежи тюремную героинку. Вот сторонники ФБК постят картинки, героизирующие молодых людей, избивающих полицию. Вот зарубежные СМИ поют дифирамбы тем, кто выступает в России против государства, СВО, дезертирует из армии. И сериалы подростки тоже разные смотрят. Какой он там герой нашего времени как образец, эталон нормативного поведения?

«Вытеснять стоящих на стороне существующего режима религиозных и нравственных героев духа такими мятежными персонажами, как художник, проститутка, великий преступник, изгнанник, воин, поэт-бунтарь, дьявол или просто дурак», – пишет авторитетный украинский исследователь В. В. Речицкий в работе «Политический предмет конституции». «Новое искусство XX века отразило в себе рост престижа акцентированной личности, полностью свободной в своем выборе» [9].

И под это вытеснение подводится идеологическое обоснование: «авторитеты душат свободу». Особенно «индивидуальную свободу подавляют образы национальных героев» [9, с. 137]. Поскольку, якобы, в современном обществе уже существует плюрализм ценностей, нельзя быть в принципе ценным для общества. А поскольку не может быть постоянства ценностей, то не может быть и верности, а соответственно и предательства. Нет ни верности, ни предательства. Ни добра, ни зла. Раньше в России это называлось нигилизм. Какую гражданственность можно формировать в таких условиях?

Конечно, архиважным для формирования гражданственности является сформированность у гражданина мотивации следовать идеалам гражданского поведения. Образ рая подробно описывался святыми отцами и, безусловно, был нарисован красками мечты. Еще детальнее рисовался образ ада. Веками отработывалась соответствующая система положительной и отрицательной мотивации, тотемов и табу. Идеал обретал такую субъективную значимость для его носителей, что они готовы были идти на жертвы во имя данного идеала.

У нас же слово «долг» стало исключаться из педагогического, социально-политического и психологического дискурсов. Возникли джентльмены, организации и целые государства, обещания, слова, публичные заявления и даже договора с подписями и печатями которых нечего не стоят. В одностороннем порядке отдельные госу-

дарства и кампании стали выходить из международных договоров: обстоятельства ведь меняются. Договора, клятвы, верность, преданность – все это стало атрибутами «дикого средневековья». Если совесть, как определял еще Аристотель, есть осознание недопустимости известного рода поступков, то объявленная свобода совести предоставляет современному джентльмену право самостоятельно определять, что для него допустимо, что недопустимо.

Провозгласили миф неотчуждаемости чести и достоинства. Честь и достоинство – свидетельство общественной ценности соответствующего поступка. Через оцениваемые обществом поступки гражданин обретал или утрачивал честь и достоинство. Какими оказались последствия провозглашения их неотчуждаемости (ч. 1, ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации) для социальной регуляции поведения? Если поступок, следуя юридической логике, самоценен, он не может быть ни не достойным, ни бесчестным. На первое место поставили личность, а общество лишили права на оценку ее поведения. Если асоциальное поведение не роняет чести и достоинства, о каком иммунитете к идеологии экстремизма и терроризма можно говорить?!

Отработанная веками система социальной регуляции нормативного поведения исходила из того, что есть поступки, вызывающие восхищение и уважение, и есть то, что вызывает негодование, презрение и даже ненависть. И эту систему декларативно заменили толерантностью, табуировав открытое социальное выражение отрицательных чувств. Реальность этих деклараций сегодня в полной мере раскрылась в феномене так называемой «культуры отмены», распространившей все многообразие форм демонстрации уважения со стороны представителей западного истеблишмента на русскую культуру, а также со стороны западных граждан в отношении носителей русского языка и гражданства.

Следующий миф – это естественные права, которые, якобы, даны человеку от рождения. Кто их дал? Фигура умолчания, видимо, призвана в данном случае освободить гражданина от чувства зависимости, а в идеале и признательности своему государству. Если в гражданских отношениях права возникают пропорционально вкладу в общее дело, то, как конструируются права в семье, государстве? В результате и возникает известный бич современной молодежи: ничего не вкладывать в отношения, семью, общество, государство, но при этом требовать от них обеспечивать свои якобы есте-

ственные права.

Заключение

Оценка значимости идеала реализации Конституции Российской Федерации и федеральных законов для современника, сформированности положительной мотивации соблюдения законов, уплаты налогов, восприятия закона и его реализации, штрафов, санкций как справедливых – повод для проведения серьезного исследования. Но на основе наблюдений за рядом индикаторов можно заключить:

1. Пока и с субъективной значимостью, и со справедливостью законов все проблемно. Одни платят налоги, а другие – оптимизируют их в рамках законов.

2. То же самое касается и вопросов ответственности. Легковерных граждан вовлекают в различные мошеннические схемы. Начитавшись информации в Интернете, человек потом вдруг узнает, что оказался обманутым. И все без нарушения закона. Может ли стать для гражданина ценностью такой закон, который фактически не обеспечивает его экономической, информационной безопасности?

3. Наивно надеяться и на то, что штрафы, иные административные наказания, человек с ружьем сами по себе смогут обеспечить восприятие нового закона как идеала. Нужна понятная и такая же простая, как десять заповедей, система нормативов поведения,

в которой легко сможет разобраться любой гражданин, а не только профессиональные юристы. Применение формулы «незнание закона не освобождает от ответственности» будет вызывать лишь агрессию, адресованную государству.

4. Эта система норм должна стать выражением справедливости и содержанием совести как главного регулятора поведения. Вряд ли мы будем иметь какие-то серьезные подвижки в формировании гражданственности до тех пор, пока уход от закона и его нарушение будут встречать социальное одобрение.

5. Формирование гражданственности подразумевает и то, что для гражданина должно быть очевидно и то, чем роль гражданина Российской Федерации отличается от роли лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством, лиц, имеющих другое гражданство. И в идеале – выигрышно отличается.

6. Сегодня у нас не существует необходимого и достаточного джентельменского набора прав, свобод, обязанностей, который был бы конвенционально принят за эталонную гражданскую роль. Нет согласия и в том, исчезает ли гражданская роль при утрате каких-либо прав и свобод или неисполнении обязанностей. Представляется, что это серьезный пробел, ликвидировав который мы смогли бы решительно усилить значимость гражданственности.

Список источников

1. Авакьян С. А. Гражданство Российской Федерации. М.: Российский юридический издательский дом, 1994. 128 с.
2. Дашидондокова Л. Б. Психологические механизмы формирования гражданственности личности старшеклассника: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Дашидондокова Людмила Бадмацыреновна. Иркутск, 2008. 22 с.
3. Забарин А. В., Морозов А. П. Проблемы формирования патриотического сознания // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 24–25 ноября 2022 года / гл. ред. Ж. В. Мурзина. Чебоксары: ИД «Среда», 2022. С. 29–35.
4. Кузьмина Р. И., Аблаева Л. Р. Гражданственность студентов университета // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. № 4 (6). С. 16–19.
5. Лопатин Е. А. Патриот или гражданин мира, коллективист или эгоист? Идея гражданственности и патриотизма в контексте гуманистической психологии // Современные проблемы конституционализма. Рязань, 2013. С. 36–38.
6. Макарова Е. А. Теоретические предпосылки развития гражданско-патриотических ценностей у будущих педагогов // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 164–176. URL: <http://www.hses-online.ru/2015/02/19.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
7. Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Восприятие гражданственности и практики гражданского участия в российских регионах // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. № 8. Т. 2. С. 69–81.
8. Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 38–47.
9. Речицкий В. В. Политический предмет Конституции. Киев: Дух и Литера. 2012. 714 с.
10. Смирнов В. Э. Гражданственность и гражданское общество: самоорганизация и со-

циальный порядок. Минск: Беларусь наука, 2013. 241 с.

11. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. СПб.: Logos, 2006. 512 с.
12. Суменков И. А. Критерии сформированности патриотизма и гражданственности у студентов // Известия Саратовского университета. 2019. Т. 8. № 3. С. 278–283.
13. Хрестоматия по политической психологии. СПб.: Издательский дом Петрополис, 2019. 501 с.
14. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политический мир России. Томск: «Водолей», 1996. 256 с.
15. BBC NEWS. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55477373> (дата обращения: 20.01.2021).

References

1. Avak'yan S. A. *Grazhdanstvo Rossijskoj Federacii*. Moscow: Rossijskij juridicheskij izdatel'skij dom. 1994. (In Russ.).
2. Dashidondokova L. B. *Psihologicheskie mekhanizmy formirovaniya grazhdanstvennosti lichnosti starsheklassnika*. Irkutsk. 2008. (In Russ.).
3. Zabarin A. V., Morozov A. P. Problems of formation of patriotic consciousness In: *Topical issues of humanities and social sciences*. Cheboksary: ID «Sreda». 2022: 29–35. (In Russ.).
4. Kuzmina R. I., Ablaeva L. R. Citizenship of university students. In: *Scientific notes of the Crimean Engineering Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology*. 2016;4 (6): 16–19. (In Russ.).
5. Lopatin E. A. Patriot ili grazhdanin mira, kollektivist ili egoist? Ideya grazhdanstvennosti i patriotizma v kontekste gumanisticheskoy psihologii. In: *Sovremennye problemy konstitucionalizma*. Ryazan. 2013. (In Russ.).
6. Makarova E. A. Theoretical prerequisites for the development of civil-patriotic values among future teachers. In: *Humanitarian and social sciences*. 2015;2: 164–176. Available from: <http://www.hses-online.ru/2015/02/19.pdf> [Accessed 24th February 2017]. (In Russ.).
7. Maksimova S. G., Omelchenko D. A., Noyanzina O. E. The perception of citizenship and the practice of civic participation in Russian regions. In: *Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space*. 2019;8. Vol. 2: 69–81. (In Russ.).
8. Nartova N. A. Citizenship in the minds of St. Petersburg youth and their parents. In: *Sociological Studies*. 2019;12: 38–47. (In Russ.).
9. Rechickij V. V. *Politicheskij predmet Konstitucii*. Kiev: Duh i Litera. 2012. (In Russ.).
10. Smirnov V. E. *Grazhdanstvennost' i grazhdanskoe obshchestvo: samoorganizaciya i social'nyj poryadok*. Minsk: Belarus' nauka. 2013. (In Russ.).
11. *Strategicheskaya psihologiya globalizacii: Psihologiya chelovecheskogo kapitala*. Saint-Petersburg: Logos, 2006. (In Russ.).
12. Sumenkov I. A. Criteria for the formation of patriotism and citizenship among students. In: *Bulletin of the Saratov University*. 2019. Vol. 8;3: 278–283. (In Russ.).
13. *Hrestomatiya po politicheskoy psihologii*. Saint-Petersburg: Izdatel'skij dom Petropolis. 2019. (In Russ.).
14. SHCHerbinin A. I., SHCHerbinina N. G. *Politicheskij mir Rossii*. Tomsk: «Vodolej», 1996. (In Russ.).
15. BBC NEWS. Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-55477373> [Accessed 20th January 2021].

Информация об авторе (авторах)

А. В. Забарин – кандидат психологических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 28.02.2023;
одобрена после рецензирования 28.02.2023;
принята к публикации 22.03.2023.

Information about the author (authors)

A. V. Zabarin – Candidate of Sciences (Psychology), Docent

The article was submitted 28.02.2023;
approved after reviewing 28.02.2023;
accepted for publication 22.03.2023.